

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
СВЕРДЛОВСКИЙ

г. Свердловск

10 МАЯ 1977

Редакция получила открытое письмо на имя главного режиссера Свердловского академического театра драмы, заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Л. Соколова. Публикуем его текст и ответ А. Л. Соколова.

ПРИСВОЕНИЕ Свердловскому драмтеатру звания «академический» ознаменовалось постановкой классической пьесы М. Горького «Варвары». Я смотрел этот спектакль. Он прошел очень хорошо. В зрительном зале в течение всего спектакля стояла изумительная тишина. Зрители с глубоким вниманием слушали и впитывали в себя все происходящее на сцене. Хорошая игра актеров заслуженно была награждена дружными аплодисментами.

В спектакле Вами был выдержан полностью текст пьесы и характеристика образов, выведенных автором. И это хорошо. Но художественное оформление спектакля, его декорации не выдержи-

вают никакой критики. М. Горький дал в пьесе подробное описание декораций и реквизита для каждого из четырех действий.

Так, в первом акте на заднике должно быть изображение уездного города, к которому неоднократно обращаются действующие лица, а в Вашей постановке они были вынуждены рассматривать город в зрительном зале. Вместо яблонь, вишни, рябины и липы художник В. М. Григорьев с Вашего одобрения, нарисовал одни березки, да на авансцене набросал березовых дров, палок и корягу.

В последней картине, происходящей по пьесе в большой и удобной комнате с соответствующей мебелью, Вы оставили висеть и болтаться стволы деревьев и даже не убрали остатки древесины.

Непонятно и другое. Горький называет пьесу «Варвары» — сцены в уездном городе. Вы же в программе спектакля именуете пьесу трагедией, а в афишах театра она называется трагикомедией. Что же в ней коме-

дийного? И кто позволил так именовать пьесу?

Если различные вольности можно еще допустить с современными пьесами да еще заказанными Вами (тут Вы хозяин), то так обращаться с классическим наследием, по моему мнению, недопустимо.

Присвоение театру высокого звания требует от Вас и всего Вашего коллектива коренного изменения в подходе к репертуару, к оформлению спектаклей. Академическому театру будет не к лицу ставить «легонькие» вещи (вроде таких, как «Старший сын», «Игра с кошкой» и другие), не дающие ничего ни уму, ни сердцу зрителя и не оставляющие в памяти впечатления о них. Ведь мы имеем большое наследие высокохудожественных классических пьес как дореволюционного периода, так и созданных в наше советское время, которые в прошлом создавали славу нашему театру.

По моему мнению, следует отказаться от постановки пьес, изготовленных по зака-

зам театра, так как они не могут быть истинно художественными и затрагивать сердца зрителей. Позвольте мне по этому поводу обратиться к Вам с просьбой обратить Ваше внимание на слова писателя Ю. Бондарева, который в своей книге «Поиск истины» пишет: «Мне не совсем понятно, что означает ездить за сбором материала намеренно, задавшись целью написать роман или повесть. Как это можно — отобрать и выбрать живую жизнь, не являясь ее действующим лицом... Роман невозможно привезти из командировки, роман задумывается и обрабатывается до того, как куплен билет на поезд».

Думаю, что приведенные слова относятся не только к писателям, но и драматургам.

Стало известно, что театр готовит к постановке пьесу М. Булгакова «Дни Турбиных». Ждем ее с нетерпением и надеемся, что она будет поставлена на высокохудожественном уровне, достойном академического театра.

Ф. ПЕРЕПЕЛКИН,
ваш постоянный зритель.

НЕ БУКВА ГЛАВНОЕ, А СМЫСЛ

УВАЖАЕМЫЙ Феодосий Николаевич! Приношу Вам глубокую бла-

годарность за Ваше письмо. Для театра очень важно сознание, что за его работой следят зрители, выдающие в его деятельности серьезный общественный смысл, умеющие не только выносить со спектакля эмоциональное впечатление, но и анализировать работу актера, режиссера, художника.

В Вашем письме, наряду с положительными оценками, высказан и ряд принципиальных претензий к оформлению, к определению жанра спектакля «Варвары» и к репертуарным позициям театра. Считаю своим долгом ответить Вам не из стремления опровергнуть замечания, а лишь для того, чтобы сделать понятными свои позиции по затронутым вопросам.

Прежде всего о соответствии декоративного решения «Варваров» тем ремаркам, которые даны автором пьесы. Я уверен, что нельзя игнорировать ремарку автора, и все-таки быть рабом ее театр не должен. Известны два весьма примечательных факта из истории отношений Горького с Художественным театром. В начале века во МХАТе были поставлены «Мещане» и «На дне». Причем в первом случае все сделано было так, как указано в ремарке, и Горький был недоволен, сказал, что это не то. А в «На дне» художник под впечатлением реального Хитрова рынка сделал декорации, в общем не похожие на ремарку, но Горький был в восторге. Такая же история отношений автора с театром повторилась при постановке «Егора Булычова» у вахтанговцев. Значит, буквальное повторение ремарки на сцене, как видите, далеко не всегда приносит удовлетворение даже самому автору.

Каждое произведение драмы адресовалось определенному уровню театральных зрительных

средств, современных автору, других он просто знать не мог. И быть пленником этого положения театру вряд ли целесообразно. Важно быть пленником автора в мире идей, содержания, взаимодействия характеров, но нельзя быть рабом уровня средств выразительности. То обстоятельство, что город нарисован не на заднике, а перенесен художником в сторону зрительного зала, позволяет не «заворачивать» спиной исполнителей, которые должны неоднократно обращаться в сторону города, а разворачивает их лицом к залу.

Театральные средства определенного времени, к которым привязан автор классического произведения, становятся традицией в представлении многих зрителей. И тут лежит корень ряда ошибок. Что считать традицией, а что дурным традиционализмом? Неразумно отрицать традиции, накопленные историей во внутреннем постижении смысла произведения. Но такое же отношение к внешним формам театральной выразительности, присущим определенному времени, может мешать художнику раскрыть произведение в соответствии со своим временем.

Сегодняшний язык декоративного оформления спектакля (или, как сейчас его называют, сценография) предполагает не только обозначение места действия, а прежде всего создание емкого образа, выражающего сущность произведения, его атмосферу.

Нам хотелось в оформлении «Варваров» передать тот смысл, который мы прочитали в этой пьесе: эгоизм, самовлюбленность, отсутствие общественных идеалов убивают человеческое в человеке, убивают любовь и даже могут убить человека. Уничтожение прекрасного в жизни — варварство. Белоснежные березы олицетворяют для нас с художником красоту жизни. И в последнем действии нет удобной комнаты, а есть лишь мебель и оторванные от земли,

висящие в воздухе березы — как символ уничтоженной красоты. Так в замысле. Возможно, этот замысел недостаточно убедителен или кем-то невоспринимался. Но я знаю многих зрителей, которые поняли мысль оформления.

Несколько объяснений определения жанра «Варваров» как трагикомедии. (В программе, где написано «трагедия» — опечатка, ошибка). Да, у Горького — «сцены из уездной жизни». Но следование этому определению повело бы нас по пути бытописательства, и потому мы, стремясь дать прежде всего социально-нравственный акцент спектаклю, определили его как трагикомедию, тем более, что это, на мой взгляд, никак не противоречит авторскому видению людей и событий. Каждый человек в этой пьесе, кажущийся смешным на первый взгляд, глубоко драматичен в своей судьбе.

Я совершенно согласен с Вами, что академическому театру не к лицу ставить «легонькие» пьесы. А они есть в нашем репертуаре. Но когда Вы «легонькими» называете «Старшего сына» или «Игру с кошкой», я с Вами соглашусь не могу. На мой взгляд, это талантливые пьесы современных авторов, умеющих своеобразно раскрыть непростые процессы жизни. Письмо в газете не дает возможности подробно проанализировать эти произведения, поэтому я позволю себе адресовать Вас к журналу «Вопросы литературы» № 10 за 1976 г., где один из самых серьезных наших театроведов Н. Рудницкий анализирует творчество А. Вампилова.

Его пьесы идут во многих театрах страны, в том числе и академических. Например, в Ленинградском Большом драматическом театре идут две его пьесы. Там же идет и «Игра с кошкой».

Думаю, что и пьесы местных авторов могут иметь место на нашей сцене, разумеется, в том случае, если их художественное качество и общественная проблематика

находятся на соответствующем уровне. Тем более, что, скажем, Г. Бокарев сегодня уже перерос масштабы наши местные, получил известность и популярность и у нас в стране, и за ее рубежами.

Конечно, подход к определению репертуара, который всегда был предметом особого внимания театра, сейчас требует особой серьезности и тщательности.

В афише академического театра должно быть больше классических произведений мировой драматургии, должны присутствовать лучшие советские современные пьесы, пьесы историко-революционные, крупные произведения прогрессивных писателей Запада.

Все это безусловно. Однако репертуар театра должен быть разнообразен. В нем должны найти свое место и пьесы, поднимающие нравственные, морально-этические проблемы нашего времени, и тут совсем не обязательно, на мой взгляд, придерживаться принципа внешней масштабности — это могут быть и камерные пьесы, в которых авторы ставят вопросы воспитания чувств, утверждают гуманистическую мораль; в репертуаре должны быть и яркие комедии, жизнерадостная стихия которых помогает людям жить и работать. Может быть и сатира, и гротеск, и лирика, и патетика, и трагедия, и водеvil. Я хочу сказать, что репертуар академического театра не стоит ограничивать ничем, кроме идеологической верности коммунистическим идеалам, высоких художественных критериев, твердых принципов партийности и народности искусства социалистического реализма.

Разрешите еще раз выразить Вам, Феодосий Николаевич, искреннюю благодарность за Ваш глубокий интерес к жизни нашего театра. С уважением

А. СОКОЛОВ,
главный режиссер
Свердловского
академического
театра драмы, заслуженный
деятель искусств РСФСР.